

# Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше?<sup>1, 2</sup>

А. Муратбекова

---

**Муратбекова Альбина** – PhD, н.с., Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова; Евразийский научно-исследовательский институт Международного казахстанско-турецкого университета имени Ходжи Ахмета Яссави; Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; E-mail: albina.muratbek@gmail.com

*Вступление Индии и Пакистана в число постоянных членов превратило Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в крупнейшую в мире межрегиональную структуру и изменило траекторию регионального сотрудничества. Тем не менее вслед за смещением фокуса с Центральной Азии на более широкую евразийскую повестку изменениям подверглась и идентичность ШОС. В статье приводятся доводы в пользу того, что ШОС находится в состоянии кризиса идентичности. Автор статьи рассматривает уникальные черты, присущие идентичности ШОС, и предлагает сценарии разрешения текущего кризиса идентичности на базе анализа исторического и регионального контекста.*

**Ключевые слова:** Шанхайская организация сотрудничества; Китай; Россия; Индия; кризис идентичности

**Для цитирования:** Муратбекова А. (2019) Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестник международных организаций. Т. 14. № 4. С. 138–160 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-07.

Вступление Индии и Пакистана в ряды полноценных членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) превратило эту региональную организацию в одну из крупнейших в мире. Теперь на долю членов ШОС приходится 44% населения Земли, около 40 млн кв. км земной поверхности (26,6%) и совокупный ВВП в размере 33 трлн долл. США [Akizhanov, 2017]. ШОС является своего рода коридором, связывающим Азиатско-Тихоокеанский и Атлантический регионы, Южную Азию и Ближний Восток. Среди членов ШОС четыре государства, то есть половина нынешнего состава членов, обладают ядерным оружием. На территории стран – членов ШОС располагается примерно 15% объектов культурного наследия ЮНЕСКО [TASS, 2017]. Таким образом, ШОС является важным игроком в Азии и на международной арене [Allison, 2004; Aris 2009; Chung, 2006; Oldberg, 2007].

---

<sup>1</sup> Статья поступила в редакцию 9 сентября 2018 г.

Перевод выполнен А.А. Игнатовым, м.н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

<sup>2</sup> Статья написана в рамках программы поддержки аспирантов EUCACIS Института европейской политики (Institut für Europäische Politik, Berlin) и Международного образовательного центра CIFE при финансовой поддержке Фонда Фольксваген и программы Erasmus+ Европейской комиссии. Автор выражает признательность проф. Матиасу Йоппу (Mathias Jopp) за помощь в подготовке данной работы.

Следуя набору установок, более известных как Шанхайский дух, Шанхайская пятерка (Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) изначально стремилась к разрешению территориальных споров на постсоветском пространстве. Реализуя задачи по укреплению взаимного доверия и ограничению вооружений в приграничных регионах, Шанхайская пятерка превратилась в ШОС, а повестка организации сместилась в сферу безопасности. Относительно недавно на площадке ШОС начала развиваться проблематика экономического сотрудничества. По мере роста глобальных амбиций Китая и усиления противоречий между Россией и странами Запада ведущие страны ШОС становились все более заинтересованными во включении Индии и Пакистана в состав членов данной организации. Менее амбициозные в политическом плане, стремящиеся к наращиванию практического экономического сотрудничества страны Центральной Азии приветствовали данное решение – оба новых члена представляют собой крупные, динамично развивающиеся рынки.

Тем не менее с момента последнего расширения все больше сомнений возникает в отношении эффективности ШОС в контексте «болезни роста». Проблемы, вызванные трансформацией ШОС, обусловлены противоречиями между новыми членами. После обретения независимости Индия и Пакистан находятся в крайне напряженных отношениях; отношения между Индией и Китаем также нельзя охарактеризовать как открытые и добрососедские. Следовательно, главным препятствием для дальнейшего развития ШОС может стать несовместимость позиций в треугольнике Китай – Индия – Пакистан, что может разрушить сплоченность внутри ШОС и привести к замедлению в процессе принятия важных решений. Более того, эффективность процесса принятия решений в рамках ШОС также может пострадать из-за закрепленного принципа консенсуса, который требует одобрения того или иного решения большинством членов без голосования. Невозможность обеспечить принятие решений в рамках существующей институциональной структуры может привести к застою организации. Кроме того, с самого начала ШОС отличала география ее деятельности, охватывавшая преимущественно Центральную Азию, где в роли важнейших игроков выступают Китай и Россия, тогда как с включением стран Южной Азии неизбежно возникает вопрос о том, сохранит ли Центральная Азия статус приоритетного региона или же будут внесены соответствующие коррективы. Уникальность ШОС с точки зрения ее изначальной роли, функционального развития и основных принципов ставится под вопрос экспертным сообществом вследствие трансформации базовых параметров идентичности данной организации. В силу вышеназванных причин с расширением состава членов ШОС усиливается и дискуссия о том, способствуют ли структурные трансформации этой организации усилению ее потенциала или же имеет место кризис идентичности, обусловленный недостаточной развитостью ШОС как института.

Очевидно, что подобная неопределенность заставляет сомневаться в потенциале организации. Рассматривая ее почти двадцатилетнюю историю, можно сказать, что сложившаяся на данный момент ситуация представляет собой кризис превращения ШОС в более «взрослую», пусть и не полностью зрелую, международную организацию.

Таким образом, целью настоящей статьи является определение наиболее вероятных последствий текущей трансформации идентичности ШОС, вызванной последним на данный момент расширением состава ее членов. Автор считает, что ШОС проходит через процесс формирования новой идентичности, связанной с изменением географического фокуса ее деятельности, новыми целями и изменениями в институциональной структуре. Изменение основ исходной идентичности означает, что ШОС предстоит вновь выработать базовые параметры. Иными словами, ШОС находится в состоянии кризиса идентичности. Данное утверждение базируется на теории форми-

рования идентичности международной организации С. Чо (Sungjoon Cho). На основе данной теории была выдвинута гипотеза о том, что уникальность ШОС обусловлена ее базовой идентичностью, которая также открывает возможности для выхода из текущего кризиса идентичности. Статья включает три смысловых раздела. В первом разделе произведен теоретический анализ понятия идентичности международных организаций, который позволяет составить общее представление о причинах выбора теории, о процессе формирования идентичности и о кризисах идентичности международных организаций. Во втором разделе рассматривается история развития ШОС, ее базовых структурных механизмов, то есть исторический контекст формирования идентичности данной организации. В третьем разделе статьи рассматриваются интересы ведущих стран — членов ШОС, определяющие характеристики среды, в которой происходило формирование идентичности ШОС, с особым вниманием к их геополитическим и экономическим приоритетам, а также интересам безопасности и позиции относительно дальнейшего расширения состава членов ШОС. В заключительном разделе рассматриваются основные сценарии дальнейшего развития ситуации, опирающиеся на текущее состояние ШОС, ее особенности и ключевые направления политики развития в условиях глобализации.

## Теоретический анализ идентичности международных организаций

Классические теории международных отношений достигли значительного прогресса в объяснении причин установления и поддержания государствами многостороннего сотрудничества через механизмы международных организаций. Тем не менее эксперты, как правило, ограничиваются изучением циклов институционального развития международных организаций. Представители неореализма рассматривают международные организации как инструмент реализации влиятельными государствами своих интересов [Waltz, 1979] или как отражение отношений силы в международной системе [Gilpin, 1984]. Сторонники нелиберального институционализма утверждают, что международные институты создаются в соответствии с интересами государства, а их сущность определяется текущим распределением возможностей [Keohane, Martin, 1995]. Функциональный подход, напротив, игнорирует власть и политическое влияние государств, утверждая, что «появление функциональных международных организаций размывает базис идентичности национальных государств, объединяя представителей разных национальностей в более “нейтральном” международном контексте» [Wolf, 1974, p. 349]. Конструктивисты утверждают, что идентичность и интересы государств определяются скорее социальными конструктами, нежели влиянием человеческой природы или внутренней политики [Wendt, 1994]. Государствоцентричные теории отвергают якобы присущую международным организациям автономность в вопросах определения целей и методов собственной деятельности [Cho, 2014].

Тем не менее Л. Хелфер [2006] утверждает, что «большинство исследователей видят конец истории международной организации там, где она только начинается — в момент ее создания. То, чем она занимается после, остается неизученным. Подобное упущение представляет огромный пробел в наших знаниях о международных организациях».

Так как цель настоящей статьи заключается в теоретизации и определении процесса формирования идентичности и кризиса идентичности ШОС, для изучения социально-правовой динамики международных организаций был применен мультидисциплинарный подход. Для демонстрации процесса трансформации международ-

ной организации в процессе ее деятельности мы обратились к теории идентичности С. Чо, базирующейся на положениях психологии развития и изложенной в работе “An International Organization’s Identity Crisis”. С. Чо [Cho, 2007; 2014] излагает свой взгляд на рациональное восприятие процесса формирования идентичности международных организаций и его последствия. В своей теории он смешивает конструктивизм и теорию формирования идентичности, которая основана на психологии развития, чтобы описать динамику формирования идентичности международной организации с правовой точки зрения. Подобный мультидисциплинарный подход демонстрирует, как международная организация, будучи социально-правовым актором, развивается, трансформируется и становится более совершенной.

А. Вендт [Wendt, 1994] утверждает, что взаимодействие на системном уровне изменяет идентичности государств и их интересы, тем самым он определяет принципы формирования идентичности в соответствии с «конструктивистским» и символично-интеракционистским подходами. Конструктивизм в описании особенностей формирования идентичностей и интересов опирается в большей степени на социологический, чем на экономический подход в рамках системной теории. Конструктивисты утверждают, что государства не являются продуктом внешнего влияния или структурного взаимодействия, а их появление обусловлено характером исторического взаимодействия. Региональные и глобальные структуры определяют контекст подобного взаимодействия, который задает динамику формирования коллективной идентичности и, следовательно, опосредованно играют казуальную роль. Интерсубъектные системные структуры, согласно Вендту [Ibid., 1994], основаны на общих понятиях, ожиданиях и социальных знаниях, встроенных в международные институты и комплексы угроз, в контексте которых государства определяют свою идентичность и интересы. Кроме того, Вендт утверждает, что зависимость — интерсубъектная или материальная — является ключевым фактором, определяющим, кто или что влияет на формирование идентичности. Схожим образом процесс развития ребенка обычно находится преимущественно под влиянием родителей, нежели других участников воспитательного процесса.

Теория идентичности Чо основывается на работах Э. Эриксона [Erikson, 1968], который утверждает, что человек формирует собственную идентичность согласно собственному восприятию окружения (групповая идентичность) и личным качествам (собственная идентичность). Индивид и общество в данном контексте находятся в отношениях близкой динамичной взаимосвязи. Теория Эриксона о формировании личности базируется на рассмотрении динамики развития психики человека, когда индивид находится в поиске или определяет собственную истинную идентичность. Согласно данной теории, человек в течение жизни проходит различные стадии. Каждая стадия характеризуется собственными уязвимостями, кризисами идентичности и возможностями.

Формирование идентичности не всегда проходит гладко и успешно. В некоторых случаях взрослеющие индивиды не способны сформировать собственную идентичность. Эриксон называет такое состояние «спутанной идентичностью». Он утверждает, что успешное разрешение кризиса идентичности оказывает длительное воздействие на устойчивость и уверенность индивида, равно как и на его или ее способность брать обязательства, преодолевать трудности или поддерживать отношения [Cho, 2014]. В контексте анализа идентичности ШОС подход Эриксона к изучению формирования идентичности помогает теоретически определить масштаб текущего кризиса идентичности организации, который в будущем может вывести ШОС на качественно новый уровень развития.

Необходимо упомянуть, что подход Чо применительно к теории идентичности международных организаций в значительной степени антропоцентричен. Вендт утверждает [Wendt, 1994], что корпоративная идентичность неравнозначна идентичности личности. Чо, в свою очередь, также утверждает, что идентичность международных организаций не может быть столь же целостной, как личностная идентичность, поскольку законы биологии больше стремятся к созданию целостной идентичности, нежели логика развития коллективных общностей.

Вместе с тем Чо считает, что поведение человека и деятельность международных организаций могут рассматриваться с точки зрения наличия намерения — и человек, и условная организация представляют собой открытые системы, которые могут выйти на уровень самообеспеченности через приспособление к окружающей действительности. В отношении окружающей среды Чо утверждает, что последняя обеспечивает организацию необходимыми материальными ресурсами, к которым относятся физическая инфраструктура, технологии и персонал, наряду с нематериальными, например, создает ее репутацию. Этот факт определяет исключительную значимость, которую имеет окружающая среда в контексте формирования идентичности организации и идентичности личности. Как и люди, организации стремятся к достижению состояния сбалансированности с окружающей средой, для чего они вырабатывают и совершенствуют собственные уникальные характеристики в интересах дальнейшего институционального развития [Cho, 2014]. Исходя из этого, в рамках настоящего исследования принимается во внимание геополитический контекст, под влиянием которого происходит трансформация идентичности ШОС,

Согласно теории идентичности Эриксона [Erikson, 1984], история организации также играет значимую роль в формировании ее идентичности. Как и ДНК человека, история организации выступает в качестве «генетической наследственности», определяя ее уникальные характеристики. История организации — представленная в ее уставе или конституции — зачастую воспринимается как свод правил деятельности организации в целом и ее отдельных членов. Интересно отметить, что изучение процесса формирования идентичности организации по базовым характеристикам ее «наследственности» представляется неэффективным. В этом смысле все институциональные изменения определяются характеристиками процесса. Следовательно, для достижения поставленных целей в рамках настоящей работы необходимо изучить процесс роста и развития ШОС.

Принимая во внимание то, что история и среда, в которой существует международная организация, определяют сферу и эффективность ее деятельности, расхождение между международной организацией и окружающей ее средой может привести к кризису идентичности первой. Международная организация обрабатывает массивы информации, получаемой из окружающей среды, и формулирует ответы на внешние вызовы. Следовательно, если рассматривать кризис идентичности как нормативный процесс, то изменения структуры международной организации носят телеологический или конститутивный характер, так как все подобные изменения изменяют и видоизменяют цели и задачи данной организации. Организационные нормы есть лейтмотив кризиса идентичности международной организации, который, согласно терминологии Ф. Селзника [Selznick, 1949], выступает как «идеологическое оружие», которое способно преодолеть сопротивление противника и заручиться поддержкой извне. Кроме того, цели деятельности организации должны способствовать ее выживанию, поскольку идентичность сама по себе определяется в процессе исторического развития [Cho, 2014].

В ситуации, когда международная организация не может консолидировать собственную идентичность, она не сможет обуздать и кризис идентичности. Чо видит две



возможные причины такого исхода. Во-первых, вызовы возникают как следствие изменений в окружающей среде, однако международная организация действует в новой ситуации исходя из характеристик прежней идентичности, и подобная тактика неизбежно приводит к «неэффективному, саморазрушительному поведению». Проблемы возникают и в том случае, когда международная организация формирует множество идентичностей и в итоге не придерживается ни одной из них [Cho, 2014].

В данной статье применяется подход Чо к рассмотрению процесса формирования идентичности международной организации. Формирование ШОС рассматривается с точки зрения исторического процесса и характеристик среды. В плане изучения среды представленное исследование ограничивается анализом интересов трех ведущих держав. Это допущение обусловлено тем, что именно эта «тройка» акторов принимает решения в рамках существующей организационной структуры, хотя все страны-члены имеют определенный вес в ШОС.

## Траектория формирования институциональной идентичности ШОС

Шанхайская пятерка была сформирована на базе двух соглашений: Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы, подписанного 26 апреля 1996 г., и Соглашения о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы от 24 апреля 1997 г. После принятия в 2001 г. Узбекистана Шанхайская пятерка была преобразована в Шанхайскую организацию сотрудничества – евразийскую организацию по вопросам политического сотрудничества и безопасности, включающую Китай, Россию, Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. На саммите в Астане 9 июня 2017 г. Индия и Пакистан были приняты в ШОС на правах полноценных членов. Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия имеют статус наблюдателей, а Армения, Азербайджан, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка – статус партнеров по диалогу.

В структуре ШОС имеются механизмы для сотрудничества на двух уровнях. Сотрудничество в рамках ШОС на высшем уровне осуществляется на базе Совета глав государств (СГГ), выполняющего функции главного руководящего органа, и Совета глав правительств (СГП). СГГ и СГП проводят по одной ежегодной встрече для обсуждения стратегий сотрудничества в приоритетных сферах. Кроме того, проводятся встречи на уровне глав законодательной власти стран-участников, представителей советов безопасности, министров иностранных дел, министров обороны, чрезвычайных ситуаций, экономики, транспорта, культуры, образования и здравоохранения, глав силовых структур, верховных и арбитражных судов, а также генеральных прокуроров. Совет национальных координаторов (СНК) выполняет роль координационного механизма ШОС [SCO, 2017]. В соответствии с Уставом ШОС решения принимаются на базе консенсуса без голосования. В системе ШОС существуют два постоянных органа: Секретариат ШОС, расположенный в Пекине, и Исполнительный комитет Региональной антитеррористической структуры (РАТС), базирующийся в Ташкенте.

До момента последнего расширения состава членов бюджет ШОС формировался в основном за счет взносов России и Китая (по 23,5%), вслед за которыми шли Казахстан (20%), Узбекистан (15%), Киргизия (12%) и Таджикистан (6%) [CNTD, 2003]. После включения в состав членов Индии и Пакистана 1 декабря 2017 г. было принято новое бюджетное соглашение, согласно которому взносы России и Китая составили по 20,6%, Казахстана – 17,6%, Узбекистана – 14,6%, Киргизии – 8,8%, Таджикистана – 6%, Индии и Пакистана – по 5,9% [CNTD, 2017].

Менее чем за двадцать лет ШОС прошла несколько этапов развития. Период Шанхайской пятерки следует считать начальным этапом налаживания сотрудничества в регионе. В этот период основными проблемами были статус границ и региональная стабильность. Согласно условиям соглашений от 1996 и 1997 гг. об укреплении доверия в военной области и сокращения военного присутствия, Россия и ряд государств Центральной Азии передали Китаю более 7 тыс. кв. км территории. Данные соглашения были очень важны для укрепления доверия и сокращения военного присутствия в приграничных регионах. Последующие встречи в Алма-Ате (1998 г.), Бишкеке (1999 г.) и Душанбе (2000 г.) внесли значительный вклад в обеспечение безопасности и стабильности в регионе и способствовали углублению сотрудничества в политической сфере, в вопросах безопасности, дипломатических контактов, торговли, гуманитарного сотрудничества и др.

Шанхайская пятерка стала новым форматом дипломатического сотрудничества, основанного на принципах взаимного доверия, разоружения и достижения взаимной выгоды. В 2001 г. на саммите в Шанхае «пятерка» была реорганизована в ШОС.

Первый этап институционализации ШОС охватывает период с 2001 по 2004 г. На саммите 2001 г. состоялось подписание Декларации ШОС, а также вступление Узбекистана в состав членов. Подписание Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом наделило ШОС статусом первопроходца в сфере борьбы с терроризмом, что было особенно актуально после трагедии 11 сентября 2001 г. На втором саммите ШОС в Санкт-Петербурге (2002 г.) был представлен Устав ШОС, а также сделано заявление о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС). На Московском саммите (2003 г.) впервые был принят бюджет ШОС, а также представлены основные регулирующие органы данной организации. Создание Секретариата ШОС в 2004 г. стало символическим шагом, обозначившим завершение стадии первичного формирования региональной организации.

Третий этап развития ШОС характеризуется расширением состава стран – членов организации, углублением энергетического сотрудничества и борьбы с ввозом опиума из Афганистана. Принятие Ирана, Индии, Пакистана и Монголии в качестве стран-наблюдателей расширило региональное сотрудничество и повысило значимость ШОС. В этот период были проведены саммиты в Шанхае (2006 г.), Бишкеке (2007 г., 2013 г.), Душанбе (2008 г., 2014 г.), Екатеринбурге (2009 г.), Ташкенте (2010 г.), Астане (2011 г.) и Пекине (2012 г.). Тем не менее, когда в 2005 г. Индия заявила о желании войти в состав членов ШОС на правах полноценного члена, Китай отверг предложение о расширении, настаивая на том, что ШОС должна сначала развиваться вертикально и лишь затем – горизонтально. С другой стороны, на саммите ШОС в 2010 г. неформальный мораторий на принятие новых стран-членов был снят, что открыло путь для расширения группы, хотя на тот момент процедура включения новых членов еще не была утверждена.

Принятие Индии и Пакистана в ШОС в 2017 г. стало точкой отсчета текущей стадии развития организации. Саммиты в Уфе (2015 г.), Ташкенте (2016 г.) и Астане (2017 г.) окончательно закрепили членство Индии и Пакистана в ШОС, что повлияло на организацию по нескольким направлениям. Включение в состав новых членов радикально изменило географический, стратегический, экономический и политический баланс в рамках ШОС. С точки зрения географии вступление Индии и Пакистана обеспечило связанность Центральной и Южной Азии. Центральная Азия, которая испытывает недостаток прямых морских путей сообщения, получила возможность извлечь выгоду из сотрудничества с Южной Азией. С точки зрения политической повестки ШОС превратилась в полноценную платформу для обсуждения как региональных, так

и глобальных вопросов в соответствии с концепцией Шанхайского духа – взаимного доверия, уважения и равенства. Вступление новых членов усилило потенциал РАТС в противодействии международной преступности, наркоторговле и терроризму в контексте усиления исламского радикализма. Благодаря обмену базами данных о террористах, перемещениях террористических элементов через границы и потоках наркотических средств наряду с вопросами кибербезопасности, обеспечение региональной безопасности и охрана границ могут осуществляться с большей эффективностью. Перспективы экономического сотрудничества выглядят многообещающе: экономическая интеграция с участием второй и шестой экономик мира сама по себе предполагает расширение торговых связей. Малые государства Центральной Азии получили возможность усилить собственные позиции и реализовать декларируемые интересы путем сотрудничества с членами ШОС, даже несмотря на существующие противоречия между странами Южной Азии.

После саммита в Астане в 2017 г. страны – члены ШОС приступили к обсуждению потенциала дальнейшего расширения. Иран и Афганистан являются первыми кандидатами на вступление в ШОС. Несмотря на одобрение со стороны Китая и России, Иран до сих пор не вошел в состав членов из-за возражений со стороны Таджикистана [Дудина и др., 2017]. Большинство членов ШОС выступают за дальнейшее расширение и хотели бы видеть Иран в составе организации, особенно сейчас, когда страна больше не находится под международными санкциями, но этому препятствует Таджикистан. Таджикистан и Иран поддерживали хорошие отношения до 2015 г., когда власти Ирана пригласили М. Кабири, лидера Партии исламского возрождения, запрещенной в Таджикистане, на конференцию Организации исламского единства. Власти Таджикистана также утверждают, что духовный лидер Ирана, аятолла Хомейни, в прошлом был боевиком. Тем не менее Россия выражает надежду на то, что эти проблемы будут решены в ближайшее время [Dubina et al., 2017].

Монголия также выступает в качестве потенциального кандидата на вступление в ШОС. Монголия в настоящий момент имеет статус наблюдателя, а ее полноценное вступление поддерживает Россия. Туркмения периодически направляет своих представителей, однако остается вне рамок ШОС в силу своего нейтрального статуса. Афганистан направил заявку в 2015 г., однако из-за сложившейся в стране внутренней ситуации и присутствия иностранных вооруженных сил представляется маловероятным, что в ближайшее время страна сумеет достичь соответствия критериям, предъявляемым к потенциальным членам ШОС.

В то же время именно ситуация в Афганистане является одним из основных вызовов в области региональной безопасности, в отношении которого у членов ШОС до сих пор не выработана долгосрочная стратегия. Контактная группа, сформированная в 2005 г., а также статус страны-наблюдателя, присвоенный Афганистану в 2012 г., не способствовали выработке коллективных решений. В данном ключе принятие Индии и Пакистана в состав членов ШОС может означать, что решение в итоге будет найдено. Вступление этих стран означает, что отныне Афганистан окружен со всех сторон. Это создает предпосылки для наращивания эффективности мер по борьбе с терроризмом и экстремизмом в регионе.

Одним из важнейших органов ШОС является Региональная антитеррористическая структура (РАТС), созданная в 2002 г. на саммите ШОС в Санкт-Петербурге для борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. РАТС, чья штаб-квартира расположена в Ташкенте, является механизмом обеспечения информационных обменов и консультаций по совместным антитеррористическим мерам. Чтобы войти в состав постоянных членов ШОС, Индия и Пакистан были вынуждены принять 426 важных



документов, затрагивающих вопросы, связанные с выполнением специальных функций РАТС. В рамках РАТС все страны-члены находятся в активном взаимодействии. Страны-наблюдатели также регулярно участвуют в научных и практических конференциях по вопросам противодействия международному терроризму и экстремизму. В общем и целом, согласно информации, актуальной на 2017 г., РАТС обладает информацией о 2500 террористах-смертниках и 69 террористических организациях [Sputnik International, 2016], а также предотвратил 600 планируемых террористических атак и добился экстрадиции 500 террористов [Desai, 2017]. Таким образом, РАТС продемонстрировал эффективность в решении региональных проблем безопасности, таких как обеспокоенность Китая деятельностью группировок в Восточном Туркестане, деятельность чеченских боевиков в России, волнения в индийском штате Джамму и Кашмир, а также угрозы, исходящей из так называемого региона АфПак. Тем не менее специальный координационный механизм, созданный Китаем для взаимодействия с Пакистаном, Афганистаном и Таджикистаном, чьи функции по факту дублируют деятельность РАТС, создает сомнения относительно эффективности структур РАТС. Вместе с тем Китай заявляет, что указанный механизм ориентируется, прежде всего, на решение вопросов безопасности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, тогда как РАТС занимается решением общерегиональных проблем [Коростиков, Черненко, 2017].

## Интересы основных игроков

Из восьми стран – членов ШОС Китай, Россия и Индия входят в число глобальных игроков, обладающих значительным весом в мировой политике – они являются членами «Группы двадцати» и обладают ядерным оружием. Китай и Россия – основатели ШОС, которая создавалась в соответствии с их интересами. Индия, вступая в ШОС, руководствовалась собственной повесткой в отношении ситуации в Центральной Азии. ШОС стала важным инструментом взаимодействия, даже с учетом того, что указанные ведущие страны-члены преследуют различные цели в контексте текущих задач и состава организации. Внимание, которое уделяется указанным странам, подкреплено предположением о том, что именно они отвечают за принятие решений в рамках ШОС.

В самом начале, когда повестка ШОС была преимущественно сосредоточена на ситуации в Центральной Азии, организация придавала большое значение позициям стран региона. Расширение состава членов ШОС уменьшило политический вес государств Центральной Азии. В то же время вместе с расширением возникли и новые возможности для разрешения региональных проблем – страны Центральной Азии обрели дополнительный механизм для обсуждения проблем региона с соседними государствами. Это неизбежно расширит поток ресурсов, направляемых в Центральную Азию, и тем самым создаст предпосылки для наращивания сотрудничества в вопросах безопасности и экономического развития.

Хотя Пакистан и имеет определенные интересы в Евразийском регионе, он не подготовлен для их полноценного продвижения в силу недостатка экономического влияния. Тем не менее Пакистан поддерживает предложения Китая и с учетом включения ряда крупных пакистанских проектов в рамки инициативы «Один пояс – один путь» может рассматриваться в качестве сателлита Китая, его стратегического партнера.

Для понимания отношений внутри ШОС и влияния внешних факторов на траекторию развития организации необходимо проанализировать интересы Китая, России и Индии в области геополитики, экономического развития и безопасности. Геополитическое измерение включает вопросы, связанные с позициями указанных стран

в отношении расширения организации наряду с их собственным геостратегическим и геополитическим положением. Экономический блок включает проблематику экономической интеграции и развитие национальных экономических инициатив. Повестка безопасности охватывает текущие вызовы и роль указанных государств в борьбе с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности, с которыми сталкиваются члены ШОС. Кроме того, необходимо проанализировать позиции стран Центральной Азии для углубления понимания региональной специфики. Необходимо учесть еще один важный момент: хотя в фокусе нашего внимания в рамках данной статьи находятся крупнейшие государства региона, страны Центральной Азии объединены общими интересами и могут извлечь некоторое преимущество в решении политических, экономических, стратегических вопросов, а также вопросов безопасности, благодаря участию крупных держав в деятельности организации. Тем не менее каждому из центральноазиатских государств присущ собственный подход к достижению озвученных интересов.

## Китай

Китай как вторая экономика мира обладает наибольшим влиянием в рамках ШОС. Поэтому ШОС зачастую рассматривают как китаецентричную организацию. С точки зрения геополитики Китай рассматривает ШОС в качестве важного инструмента обеспечения влияния в Центральной Азии. Основные интересы Китая в рамках ШОС лежат в сфере безопасности и экономического сотрудничества. Изначально Китай был нацелен на решение проблемы разграничения с бывшими советскими республиками. В дальнейшем интересы Китая распространились на вопросы поддержания стабильности и безопасности на своей западной границе, а также на выкачивание энергетических ресурсов из стран Центральной Азии. Указанные вопросы были в основном разрешены. Китай начал получать требуемые ресурсы сперва в рамках ШОС, а затем и через проекты в рамках инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП). ОПОП как основной инструмент китайской дипломатии также стал одним из приоритетных направлений сотрудничества и в рамках ШОС. Как было отмечено ранее, «организация мыслилась как первый для Китая опыт создания институционального кондоминиума в отдельном регионе в партнерстве с другим крупным игроком» [Gabuev, 2017]. Тем не менее Китай сделал для развития ШОС больше остальных в политическом и экономическом плане, что само по себе подкрепляет необходимость дальнейшего развития организации; ШОС для Китая является первым и во многом уникальным инструментом реализации собственных интересов в Центральной Азии и за ее пределами [Huasheng, 2013, p. 436].

### ***Позиция относительно расширения ШОС***

До принятия Индии и Пакистана в состав ШОС Китай выдвигал следующие возражения относительно принятия Индии в ряды членов организации: во-первых, Китай настаивал на том, что страны-члены не должны иметь территориальных претензий друг к другу, тогда как между Китаем и Индией такие противоречия имеют место; во-вторых, принятие новых стран в состав ШОС не должно идти вразрез с решениями Совета Безопасности ООН, тогда как Индия и Пакистан создали собственное ядерное вооружение, не будучи членами Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Компромисс был достигнут на саммите в Ташкенте (2016 г.) благодаря России,

которая стремилась к принятию новых членов в интересах укрепления собственных позиций после событий в Крыму. Как следствие, Китай решил поддержать вступление Пакистана в качестве противовеса Индии.

После создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и запуска инициативы ОПОП необходимость в создании общерегиональной финансовой структуры с участием китайского капитала отпала сама собой и Китай одобрил вступление в ШОС Индии одновременно с Пакистаном. Тем не менее, согласно заявлениям китайских дипломатов, Пекин отдает себе отчет в том, что противоречия между Индией и Пакистаном могут парализовать работу ШОС [Gabuev, 2017].

### **Экономические интересы**

В настоящий момент основным приоритетом Китая является углубление экономической интеграции в рамках ОПОП. Если в 2010 г. Китай продвигал идею создания Банка развития ШОС и зоны свободной торговли ШОС, то после запуска ОПОП в 2013 г. новая инициатива заняла место приоритетного проекта регионального экономического сотрудничества, заменив механизмы ШОС. Страны Центральной Азии, зависящие от китайских инвестиций, также заинтересованы в развитии экономического сотрудничества в рамках ОПОП. Все страны – члены ШОС, за исключением Индии, участвовали в глобальном саммите ОПОП в мае 2017 г., который Индия бойкотировала. Тем не менее все остальные члены ШОС поддерживают инициативу ОПОП и сопряжение ОПОП и ШОС.

### **Интересы в сфере безопасности**

Безопасность и региональная стабильность являются приоритетом для Китая. Синьцзян-Уйгурский автономный район, известный размахом уйгурского сепаратизма и движением за создание «Восточного Туркестана», представляет основную угрозу безопасности для западных регионов КНР. Участвуя в работе таких механизмов, как РАТС, Китай поддерживает стабильность в западной части страны. Пекин видит себя в качестве альтернативного центра силы в Евразии, а ШОС выступает в рамках данной концепции в роли основного инструмента реализации стратегических интересов Китая в Евразии и укрепления региональной безопасности [Lanteigne, 2018, p. 132].

## **Россия**

Для России ШОС является своего рода антизападным объединением, которое служит платформой для распространения российского влияния в Евразии при поддержке ведущих региональных игроков. М. Конаровский [Konarovskiy, 2016] утверждает, что внутри ШОС сложилось некое неофициальное распределение обязанностей в Азиатском регионе: Россия обеспечивает безопасность, в том числе при помощи механизмов Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), тогда как Китай отвечает за развитие экономического сотрудничества. Страны Центральной Азии, в свою очередь, имеют возможность лавировать между центрами силы исходя из собственных интересов и тем самым поддерживают подобное разделение полномочий между ведущими державами.

Географическое положение Центральной Азии является одним из столпов российской «политики соседства», а ШОС выступает в качестве одной из платформ, служащих для поддержания традиционной лидерской роли России в регионе. «Мо-

сква отдает себе отчет в том, что Россия не обладает достаточным финансовым и политическим потенциалом для противостояния растущему влиянию Пекина... многие характерные черты политики России в ШОС показывают, что Кремль стремится предотвратить превращение ШОС в инструмент продвижения китайских интересов в Центральной Азии» [Facon, 2013]. Так или иначе, стратегические интересы России в восточных и южных регионах объясняются стремлением обеспечить сохранение статуса страны в качестве ведущего игрока в ШОС [Konarovskiy, 2016]. Российские власти предпринимают попытки построить в Евразии геоэкономическую базу для «неамериканского мира» через механизмы Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ШОС, усилиями стратегического треугольника Россия – Индия – Китай, а также при помощи партнеров по БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) [Lousianin, 2017].

### ***Позиция относительно расширения ШОС***

Россия всегда была заинтересована в увеличении «веса» ШОС в региональных вопросах и углублении взаимодействия внутри организации наряду с поддержкой идеи о расширении состава ее членов. После обострения отношений с Западом и в свете ожидаемых трудностей в региональном и глобальном развитии восточный вектор внешней политики России приобрел для Москвы особое значение [Konarovskiy, 2016]. Президент России В. Путин заявил, что расширение ШОС «открывает дополнительные возможности активнее влиять на процессы в нашем общем регионе и на международной арене в целом» [Абдурасулов, 2017]. На саммите в Душанбе (2014 г.) Россия активно настаивала на том, чтобы окончательно определить порядок включения новых стран в состав ШОС, а в ходе своего председательства в ШОС в 2014–2015 гг. запустила процесс расширения, предоставив статус наблюдателей Белоруссии, Азербайджану, Армении и Камбодже; Непал получил статус партнера по диалогу. Одновременно начался процесс принятия Пакистана в состав членов ШОС [Konarovskiy, 2016]. Поддерживая расширение организации, Россия и Китай пытались увеличить свое влияние на традиционных партнеров: Россия поддерживает дружеские отношения с Индией, а Пакистан является стратегическим партнером Китая. Со времен войны в Афганистане Россия не поддерживает близких контактов с Пакистаном, потому что последний был главным спонсором движения афганских моджахедов.

Немаловажно и то, что президент В. Путин поддерживает вступление Ирана в ШОС, что может еще больше усложнить повестку организации. Принимая во внимание текущий прогресс в развитии ядерной программы Ирана и враждебную позицию США в отношении Ирана, вступление страны в состав членов ШОС еще больше усилит неблагоприятное отношение Запада к ШОС [Lanteigne, 2018, p. 125].

### ***Экономические интересы***

Россия – третий в мире добытчик и второй по значимости экспортер нефти и газа. Российские запасы нефти являются седьмыми в мире по уровню разведанных запасов, а по запасам природного газа Россия находится на первом месте. Следовательно, стратегия России в ШОС обусловлена особой ролью энергетического сектора, что стало очевидным после предложения президента В. Путина о создании Энергетического клуба ШОС в 2006 г. Данное предложение было воспринято как инструмент реализации российской долгосрочной стратегии, направленной на обеспечение стабильного притока средств, необходимых для восстановления российского потенциала и положения в мире [Ваэзи, 2018].

Необходимо отметить, что в 2010 г. Россия наложила вето на предложение Китая по созданию Банка развития ШОС, равно как и Зоны свободной торговли ШОС, из-за обеспокоенности экономическим потенциалом Китая. Москва потребовала присоединения к Евразийскому банку развития со штаб-квартирой в Алматы, где Россия и Казахстан контролируют 65,97 и 32,99% долей соответственно. Очевидно, что Китай не согласился на данное требование, потому что ему важно обладать долей в соответствии с размером ВВП, которая составила бы порядка 80%. После создания АБИИ в 2014 г. Китай более не нуждался в создании специальных финансовых механизмов в рамках ШОС [Там же].

С точки зрения регионального сотрудничества Россия заинтересована в сопряжении ЕАЭС и ОПОП. Китай, с другой стороны, поддерживает предложение России о создании Большого Евразийского партнерства ШОС, ЕАЭС и АСЕАН. В то же время члены организации обсуждают проект по торговому и коммерческому сотрудничеству между ЕАЭС и ШОС на основе технико-экономических обоснований министерств экономического развития России и Китая [Korostikov, Chernenko, 2017].

### ***Интересы в сфере безопасности***

Россия с ее опытом взаимодействия со странами Центральной Азии, в которых расположены российские военные базы и с которыми налажено тесное сотрудничество в области безопасности через механизмы ОДКБ, считается гарантом безопасности в регионе. Угрозы национальной безопасности России исходят с запада, востока и юга. Механизмы ШОС обеспечивают поддержание безопасности на востоке, а на юге эту функцию берет на себя ОДКБ. Вместе эти механизмы обеспечивают стабильность юго-восточных регионов России [Xing, 2017].

На саммите в Уфе в 2015 г. Россия предложила сформировать полноценный альянс для противостояния любым формам «цветных революций» в будущем в странах Евразии, однако эта идея была холодно воспринята в Пекине. В целом необходимо отметить, что в евразийской политике «Москва по-прежнему ведет себя с позиции “большого брата”» [Lanteigne, 2018, p. 128].

## **Индия**

Индия, получив статус полноценного члена ШОС, повысила свою значимость в Евразийском регионе. Долгое время Индия находилась «на скамейке запасных» в отношении влияния на ситуацию в Западной и Центральной Азии [Roy, 2012, p. 648]. Приоритет Индии в ШОС – выстраивание связей между Центральной и Южной Азией. Учитывая, что государственная компания ONGS Videsh Limited дважды (в 2005 и 2013 гг.) не смогла войти в состав дольщиков в проектах по добыче газогидратов месторождений Кумколь и Кашаган в Казахстане из-за того, что первенство было отдано китайской CNPC, развитие энергетического сотрудничества также входит в список интересов Индии в Центральной Азии. Таким образом, для Индии в рамках ШОС приоритетными направлениями сотрудничества являются выстраивание торговых и транспортно-логистических связей наряду с поиском способов коллективного противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам.

Индия рассматривает ШОС в качестве диалоговой платформы регионального экономического сотрудничества наряду с вопросами безопасности. Индия заинтересована в глубоком и постоянном взаимодействии со странами Центральной Азии. Кроме



того, вызовы безопасности, возникающие в регионе АфПак, также входят в число приоритетных для Индии тем в рамках повестки ШОС.

### ***Позиция относительно расширения ШОС***

Индия балансирует между Китаем и Россией и играет роль регионального союзника США. С этой точки зрения Индия уравнивает недоброжелательное отношение Запада к ШОС, несколько сглаживая антиамериканские настроения других стран-членов. Вступление Индии в ШОС способствует смещению фокуса внешней политики страны с Запада на Россию и страны Азии. Кроме того, с принятием Индии в ШОС завершилась институционализация стратегического треугольника Россия – Индия – Китай в рамках организации [Lousianin, 2017]. Индия и Пакистан долго имели статус стран-наблюдателей при ШОС. Опыт подобного взаимодействия показывает, что Индия и Пакистан способны избегать конфронтации. Тем не менее проблемы двустороннего взаимодействия не единственный повод для беспокойства. Пакистан отказывается обмениваться с Индией информацией о перемещениях боевиков, что может стать одним из ключевых вызовов, для противодействия которому придется приложить усилия России и Китаю [Коростиков, 2017].

### ***Экономические интересы***

С точки зрения Индии наличие платформы в Центральной Азии очень желательно, так как она обеспечивает доступ к крупным проектам в сфере газо- и нефтедобычи. Индия может удовлетворить свои потребности в энергетических ресурсах, если будут реализованы проект трубопровода ТАПИ (Туркмения, Афганистан, Пакистан, Индия), трубопровода ИПИ (Иран – Пакистан – Индия) или трубопровода CASA-1000 (Энергетический проект Центральная Азия – Южная Азия), которые в настоящий момент заблокированы Пакистаном [Desai, 2017]. Кроме того, страны региона получают определенные выгоды при реализации проекта Международного транспортного коридора Север – Юг, объединяющего морские, железнодорожные и автомобильные транспортные сети Индии, России, Европы и Центральной Азии. Наряду с коридором Север – Юг, реализация транспортного коридора «Чехбехар» также может существенно расширить доступность центральноазиатских и российского рынков для потребителей из Индии.

В то же время вступление Индии в ШОС может препятствовать реализации проектов экономического партнерства в рамках ОПОП. Китай осуществляет реализацию проекта Экономического пояса нового Шелкового пути (ЭПШП) в рамках ШОС, тогда как Индия бойкотирует эту инициативу. Опасения Индии связаны с флагманским проектом ОПОП – экономическим коридором Китай – Пакистан, который должен пройти по территории спорного региона Кашмир. В случае, если Индия согласится на участие в данном проекте в рамках ОПОП, могут возникнуть угрозы ее суверенитету. Подобная ситуация складывается в отношении многостороннего проекта с участием Бангладеш, Китая, Индии и Мьянмы. Его реализация тормозится описанными выше опасениями Индии. В контексте стремления Индии развивать торговые отношения со странами Центральной Азии китайская инициатива ОПОП может расцениваться как препятствие.

## **Интересы в сфере безопасности**

Важнейшим вопросом регионального сотрудничества является безопасность, и включение Индии в ШОС в качестве неотъемлемой части евразийской группировки безопасности может нейтрализовать центробежные силы, возникающие в результате деятельности религиозных экстремистских и террористических группировок [Roy, 2012, p. 648]. Кроме того, угроза, исходящая из региона АфПак, является проблемой для индийских политиков. Можно ожидать, что со вступлением Пакистана в ШОС коллективные усилия всех членов уменьшат уровень активности боевиков в Пакистане и стабилизируют безопасность в регионе.

## **Страны Центральной Азии**

Страны Центральной Азии, занимающие центральное положение в повестке ШОС, обладают значительно меньшим уровнем политического влияния, но, с другой стороны, имеют свободу маневра в отношениях с ведущими державами при реализации собственных интересов. Государства Центральной Азии с большим энтузиазмом относятся к региональным проектам Китая, которые очень важны для развития их экономик, в то же время стараясь поддерживать добрососедские отношения и с Китаем, и с бывшими советскими республиками. Следовательно, эти страны рассматривают ШОС как инструмент усиления собственного стратегического потенциала посредством углубления взаимодействия с региональными игроками. Страны Центральной Азии поддерживают деятельность ШОС в области региональной безопасности, а также участвуют в работе РАС. С одной стороны, они признают исторически обусловленное лидерство России в международных делах региона, а с другой — прагматически подходят к развитию всесторонних и близких отношений с Китаем, а также одобрили вступление в ШОС Пакистана и Индии. Все страны из указанной группы изначально поддерживали идею о расширении, что было наглядно доказано на примерах председательства Узбекистана и Казахстана. С точки зрения экономического сотрудничества все страны Центральной Азии активно поддерживают проекты в рамках ОПОП и к настоящему моменту уже скорректировали собственные планы долгосрочного развития в соответствии с выдвинутыми проектами, а также стремятся привлечь еще больше инвестиций из Китая. Кроме того, Казахстан и Киргизия, будучи членами ЕАЭС, поддерживают инициативу России по сопряжению ШОС, ЕАЭС и АСЕАН.

## **Вероятные сценарии дальнейшего развития**

После принятия процедур и стандартов, в дополнение к установлению процедур для принятия новых членов, Индия и Пакистан подписали около 40 документов. Они также согласились, что официальными языками ШОС останутся китайский и русский; английский язык был утвержден в качестве дополнительного рабочего языка. В самом деле, после вступления Индии и Пакистана ШОС как организация совершенно изменилась.

Новости о расширении ШОС нередко сопровождаются критикой относительно эффективности будущей деятельности организации, обусловленной ее кризисом идентичности. Тем не менее, согласно мнению Чо, в случае, если организация успешно справляется с подобным кризисом, она выходит на новый уровень своего развития.

Анализ позиций и интересов стран-членов и особенности геополитической среды, в которой существует ШОС, позволяют утверждать, что данная международная ор-

ганизация проходит период трансформации идентичности, что и привело к кризису ее институциональных механизмов. Следовательно, с учетом того, что ШОС вступила в период «зрелости», но еще не состоялась как полноценная международная организация, несколько факторов продолжают оказывать влияние на формирование ее идентичности.

Важнейшим фактором является геополитический фокус ШОС. Если ранее (до расширения) ШОС выполняла роль механизма взаимодействия стран Центральной Азии с Китаем и Россией, то после вступления Индии и Пакистана расширилось поле деятельности организации. Для Китая, Индии и Пакистана ШОС стала незаменимым инструментом воздействия на ситуацию в Центральной Азии и даже за ее пределами, тогда как Россия рассматривает ШОС в большей степени как инструмент расширения влияния на Евразийский регион в целом.

После расширения состава членов Индия может рассматриваться в качестве балансира региональных амбиций Китая и России. Спекуляции относительно соперничества России и Китая постепенно уйдут в прошлое по мере того, как новые противоречия между Китаем и Индией или Индией и Пакистаном выйдут на передний план. Уровень реального участия стран Центральной Азии будет снижаться на фоне роста соперничества ведущих игроков.

В этой связи существует риск, что ШОС превратится в некий церемониальный орган. Учитывая существенные различия между интересами ведущих членов ШОС относительно целей и задач деятельности организации, данная международная организация может деградировать до уровня регулярных, но бессмысленных с точки зрения практических результатов саммитов и встреч, в пользу чего говорит ряд факторов.

Вероятно, в ближайшее время ШОС столкнется с «институциональным тупиком» из-за невозможности обеспечить принятие решений. Тем не менее в процессе реформирования ШОС может отказаться от принципа консенсуса, что позволит инициировать совместные инициативы даже в случае, если отдельные страны-члены откажутся принимать в них участие. Иллюстрацией «институционального тупика» может служить нежелание российского руководства участвовать в реализации проекта по созданию Банка развития ШОС – Россия в одиночку оказалась способной остановить развитие финансовых институтов организации, предназначенных для усиления экономического потенциала стран-членов. В случае с Индией и Пакистаном может произойти нечто подобное – право вето все еще предусмотрено правилами ШОС. Следовательно, существует риск возникновения тупиковой ситуации, в которой принятие решений становится невозможным.

Еще одним препятствием является недостаточная эффективность Секретариата ШОС. Существует выраженная потребность в усилении роли и независимости данного органа, члены которого более подотчетны своим внешнеполитическим ведомствам, нежели самой организации. В дальнейшем это также может создать трудности в функционировании ШОС.

Разность подходов к определению «трех зол» – терроризма, экстремизма и сепаратизма – и, как следствие, к формулированию стратегии противодействия данным вызовам, также является поводом для беспокойства. Противоречия наблюдались во время российской контртеррористической операции на Северном Кавказе в начале 2000-х годов, а также в 2008 г. после решения Москвы о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, которое не встретило поддержки за рубежом. Интеграция Крыма в состав России в 2014 г. стала еще более наглядной иллюстрацией разности подходов к определению сепаратизма. Кроме того, то, что некоторые члены ШОС рассматривают как проявление сепаратизма или политического экстремизма, другие расценивают как

правомерную борьбу этнических меньшинств за свои права [Kortunov, 2018]. Нельзя исключать и опасность того, что вступление в ШОС Пакистана снизит эффективность антитеррористической деятельности организации. Китай последовательно блокирует решения Совета Безопасности ООН по вопросу террористических групп, базирующихся в Пакистане. Будет ли Китай придерживаться этой позиции, если обвинения в адрес Пакистана последуют со стороны Индии или России?

Страны – члены ШОС должны избегать поляризации или неформальной разбивки на группы по интересам, например, Пакистан – Китай или Россия – Индия. В такой ситуации проигрывает и организация, и ее страны-члены [Lousianin, 2017].

Тем не менее необходимо отметить положительные результаты решений, принятых на базе ШОС и РАТС. Подписанные в 2018 г. на саммите в Циндао Программа сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2019–2021 гг. и Антинаркотическая стратегия государств – членов Шанхайской организации сотрудничества на 2018–2023 гг. являются хорошей иллюстрацией потенциала организации в сфере противодействия традиционным и нетрадиционным вызовам.

Следовательно, в настоящий момент главная задача ШОС заключается в реализации потенциальных возможностей, создаваемых расширением состава членов, путем укрепления своих институциональных механизмов и наращивания влияния в мире. С учетом возможностей и вызовов, возникших вследствие структурной трансформации ШОС и ее целей, новая идентичность ШОС все еще опирается на ее ключевые характеристики:

– Основой ШОС по-прежнему является концепция Шанхайского духа – взаимное доверие, взаимная выгода, уважение к цивилизационным различиям и совместное развитие. Сторонники Шанхайского духа последовательно поддерживали стремление к прагматичному сотрудничеству и могли бы еще больше повысить роль ШОС в качестве интегратора на более широком евразийском пространстве. Можно ожидать, что ШОС станет платформой для обсуждения основных глобальных проблем в соответствии с указанными принципами.

– Учитывая, что Китай и Индия своим развитием обеспечили сдвиг глобализации в сторону Азии и на развивающиеся государства, ШОС может стать альтернативной платформой для обсуждения основных глобальных проблем с использованием новых форм многосторонности. Теперь в ШОС входят восемь членов, четыре страны-наблюдателя (Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия), шесть партнеров по диалогу (Армения, Азербайджан, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка) и 10 кандидатов-наблюдателей (Бахрейн, Бангладеш, Египет, Ирак, Израиль, Мальдивы, Катар, Сирия, Украина и Вьетнам) [Kortunov, 2018]. То есть 28 стран с формирующимся рынком участвуют в деятельности ШОС. Следовательно, с подачи основных держав ШОС может стать платформой для обсуждения путей либерализации незападных структур, а также внести свой вклад в развитие развивающегося мира.

– Более того, ШОС может стать интегратором региональных институтов. Члены ШОС входят в советы многих региональных структур, в том числе БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, «Группы двадцати» и др. ОПОП и АБИИ, возглавляемые Китаем, в дополнение к БРИКС и Новому банку развития БРИКС, бросают вызов существующей системе, возглавляемой Вашингтоном. Таким образом, ШОС может стать пионером в создании незападной платформы глобального управления. Китай, вторая по величине экономика в мире с растущими глобальными амбициями, заинтересован в усилении

влияния ШОС, тогда как Россия рассматривает ШОС как альтернативную платформу для обсуждения Евразийской повестки. Следовательно, объединение России, Китая и Индии вместе с 24 другими заинтересованными сторонами, следующими Шанхайскому духу, может позволить ШОС занять эту нишу.

## Заключение

Шанхайская организация сотрудничества, объединяя в своих рядах наиболее населенные и крупные государства, обладает огромным потенциалом для развития. Сейчас ШОС жизненно важно создать соответствующую структуру и эффективные механизмы для поддержания и реализации этого потенциала. По мере смещения центров силы в Азию и роста влияния Евразии в процессе глобализации члены ШОС стремятся представить миру новую повестку с выраженной азиатской спецификой.

Несмотря на имеющийся потенциал, дальнейшее расширение ШОС в условиях сложившегося географического и политического ландшафта связано с рисками потери эффективности организации из-за наличия противоречий как между новыми, так и между прежними странами-членами. В статье анализировались траектории развития идентичности ШОС с учетом исторических и институциональных особенностей, а также геополитической повестки ведущих стран. Мы попытались определить наиболее вероятные последствия трансформации ШОС с момента последнего расширения состава членов, которое вызвало кризис идентичности данной организации. Прогноз был составлен с учетом итогов анализа процесса и факторов формирования идентичности ШОС. В итоге можно сделать следующий вывод: согласно теории Чо, успешное разрешение кризиса идентичности окажет долгосрочное воздействие на стабильность и безопасность в регионе, а также на потенциал ШОС в исполнении принятых обязательств, преодолении будущих кризисов и поддержании отношений между странами-членами.

После усовершенствования институциональных механизмов коллективная воля и приверженность Шанхайскому духу могут стать главной силой ШОС. Возможность собрать региональных и глобальных соперников за одним столом для обсуждения региональных проблем и развития самого региона — еще одна сильная сторона данной организации. Несмотря на некоторую противоречивость, нет сомнений в том, что ШОС предоставляет платформу для переговоров, основанных на принципах Шанхайского духа: «...взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение культурного разнообразия и стремление к совместному развитию. Управление общими проблемами в регионе, такими как угроза терроризма и сепаратизма, нестабильность в Афганистане и поддержание мира и спокойствия в приграничных регионах, где возникают мятежи, является еще одним смыслом существования организации». Важно, что механизм ШОС укрепляет коллективную борьбу с традиционными и нетрадиционными угрозами без обязательств по поддержке в военное время. Таким образом, если Шанхайский дух, гарантирующий суверенитет ее членов и позволяющий им развивать сотрудничество в рамках согласованных параметров, а не подробных кодифицированных руководящих принципов и положений, и впредь останется основой ШОС, организация станет мощной региональной структурой принятия решений.



## Источники

- Абдурасулов А. (2017) Россия и Китай расширяют ШОС, но используют его по-разному. BBC News. 9 июня. Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/features-40220593> (дата обращения: 14.03.2018).
- Ваэзи М. (2018) Цели и интересы Китая и России в ШОС / Центр стратегических оценок и прогнозов. 10 ноября. Режим доступа: <http://csf.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/czeli-i-interesy-kitaya-i-rossii-v-shos-2093> (дата обращения: 14.03.2018).
- Дудина Г. и др. (2017) ШОС растет вишрь и вдаль // Коммерсантъ. 22 апреля. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3280145> (дата обращения: 10.01.2018).
- Коростиков М., Черненко Е. (2017) Членство в ШОС – не приглашение на чай. Спецпредставитель президента РФ Бахтиер Хакимов о планах и проблемах Шанхайской организации сотрудничества // Коммерсантъ. 18 апреля. Режим доступа: [https://www.kommersant.ru/doc/3275166?from=doc\\_vrez](https://www.kommersant.ru/doc/3275166?from=doc_vrez) (дата обращения: 10.01.2018).
- Коростиков М. (2017) Декларация вскочила в уходящий состав // Коммерсантъ. 8 июня. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3319743> (дата обращения: 12.03.2018).
- Син Л. (2017) Стратегия Китая и России в Шанхайской организации сотрудничества: сравнительный анализ // Сравнительная политика. Т. 8. № 2. С. 98–107. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-98-107> (дата обращения: 28.10.2017).
- ТАСС (2017) Рашид Алимов: ШОС стала «большой восьмеркой». Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/interviews/4338862> (дата обращения: 28.10.2017).
- Allison R. (2004) Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia // *International Affairs*. Vol. 80. No. 3. P. 37–41. Режим доступа: <http://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x> (дата обращения: 14.03.2018).
- Aris S. (2009) A New Model of Asian Regionalism: Does the Shanghai Cooperation Organisation Have More Potential Than ASEAN? // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 22. No. 3. P. 451–467. Режим доступа: <http://doi.org/10.1080/09557570903104040> (дата обращения: 14.03.2018).
- Akizhanov S. (2017) India and Pakistan Join the SCO: The Balance Is on the Side of the Optimists. Kazinform. 8 June. Режим доступа: [http://www.inform.kz/ru/vstuplenie-indii-i-pakistan-a-v-shos-chasha-vesov-na-sto-gone-optimistov\\_a3034410](http://www.inform.kz/ru/vstuplenie-indii-i-pakistan-a-v-shos-chasha-vesov-na-sto-gone-optimistov_a3034410) (дата обращения: 14.03.2018).
- Cho S. (2007) Toward an Identity Theory of International Organisations // *American Society of International Law Proceedings*. No. 101. Режим доступа: [https://works.bepress.com/sungjoon\\_cho/36/](https://works.bepress.com/sungjoon_cho/36/) (дата обращения: 30.05.2018).
- Cho S. (2014) An International Organization's Identity Crisis // *Northwestern Journal of International Law & Business*. Vol. 34. No. 3. P. 359–394. Режим доступа: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1768&context=njilb> (дата обращения: 30.05.2018).
- Chung C.P. (2006) China and the Institutionalization of the Shanghai Cooperation Organization // *Problems of Post-Communism*. Vol. 53. No. 5. P. 3–14. Режим доступа: <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216530501> (дата обращения: 30.05.2018).
- Consortium Codex (CNTD) (2003) Agreement on the Procedure for the Formation and Execution of the Budget of the Shanghai Cooperation Organisation. 29 May. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902025877> (дата обращения: 23.01.2018).
- Consortium Codex (CNTD) (2017) Agreement on the Formation and Implementation of the Budget of the Shanghai Cooperation Organisation. 1 December. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/542615412> (дата обращения: 23.01.2018).
- Desai S. (2017) India's SCO Challenge. *The Diplomat*. 5 December. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2017/12/indias-sco-challenge/> (дата обращения: 12.01.2018).
- Erikson E.H. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. N.Y.: W.W. Norton Company.

- Facon I. (2013) Moscow's Global Foreign and Security Strategy: Does the Shanghai Cooperation Organisation Meet Russian Interests? // *Asian Survey*. Vol. 53. No. 3. P. 461–483. Режим доступа: <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.461> (дата обращения: 23.01.2018).
- Gabuev A. (2017) Bigger, Not Better: Russia Makes the SCO a Useless Club / Carnegie Moscow Center. 23 June. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/71350> (дата обращения: 22.03.2018).
- Gilpin R.G. (1984) The Richness of the Tradition of Political Realism // *International Organization*. Vol. 38. No. 2. P. 287–304. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2706441> (дата обращения: 22.03.2018).
- Helfer L. (2006) Understanding Change in International Organizations: Globalization and Innovation in the ILO // *Vanderbilt Law Review*. Vol. 59. P. 649–726.
- Huasheng Zh. (2013) China's View of and Expectations From the Shanghai Cooperation Organization // *Asian Survey*. Vol. 53. No. 3. P. 436–460.
- Keohane R.O., Martin L.L. (1995) The Promise of Institutional Theory // *International Security*. Vol. 20. No. 1. P. 39–51. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2539214> (дата обращения: 22.03.2018).
- Konarovsky M. (2016) Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Some Elements of Strategy // *International Organisations Research Journal*. Vol. 11. No. 4. P. 149–161. Режим доступа: DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-149 (дата обращения: 22.03.2018).
- Kortunov A. (2018) SCO: The Cornerstone Rejected by the Builders of a New Eurasia? Russian International Affairs Council (RIAC). 16 May. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/sco-the-cornerstone-rejected-by-the-builders-of-a-new-eurasia/> (дата обращения: 10.08.2018).
- Lanteigne M. (2018) Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the “Crimea Effect”. Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation / H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe (eds). Palgrave Macmillan.
- Lousianin S.G. (2017) Russia and China in the SCO 2017: Global and Regional Dimensions of Security. Security Issues Within the SCO. Ves' Mir Publishing.
- Oldberg I. (2007) The Shanghai Cooperation Organisation: Powerhouse or Paper Tiger? FOI: Swedish Defence Research Agency. Режим доступа: [https://www.researchgate.net/publication/265216976\\_FOI\\_The\\_Shanghai\\_Cooperation\\_Organisation\\_Powerhouse\\_or\\_Paper\\_Tiger\\_The\\_Shanghai\\_Cooperation\\_Organisation\\_Powerhouse\\_or\\_Paper\\_Tiger](https://www.researchgate.net/publication/265216976_FOI_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger) (дата обращения: 22.03.2018).
- Roy M.S. (2012) India's Options in the Shanghai Cooperation Organisation // *Strategic Analysis*. Vol. 36. No. 4. P. 645–650. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09700161.2012.689534> (дата обращения: 22.03.2018).
- Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2017) The Shanghai Cooperation Organisation. Режим доступа: [http://eng.sectSCO.org/about\\_sco/](http://eng.sectSCO.org/about_sco/) (дата обращения: 22.01.2018).
- Selznick P. (1949) *TVA and the Grass Roots: A Study in the Sociology of Formal Organization*. Berkeley: University of California Press.
- Sputnik International (2016) Shanghai Pact Anti-Terror Database Lists 2,500 Suicide Bombers, 69 Groups. 13 September. Режим доступа: <https://sputniknews.com/asia/201609131045248480-sco-rats-terrorism/> (дата обращения: 20.05.2019).
- Waltz K. (1979) *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Publishing Company.
- Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State // *American Political Science Review*. Vol. 88. No. 2. P. 384–396. Режим доступа: <http://doi.org/10.2307/2944711> (дата обращения: 28.10.2017).
- Wolf P. (1973) International Organization and Attitude Change: A Re-Examination of the Functionalist Approach // *International Organization*. Vol. 27. No. 3. P. 347–371. Режим доступа: <http://doi.org/10.1017/S0020818300003544> (дата обращения: 28.10.2017).

# Exploring the Shanghai Cooperation Organisation's Identity Crisis: What is Next?<sup>1, 2</sup>

A. Muratbekova

---

---

**Albina Muratbekova** – PhD, Researcher, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan; Eurasian Research Institute of the Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University; 29 Kurmangazy Str., Almaty, 050010, Kazakhstan; E-mail: albina.muratbek@gmail.com

## Abstract

*The granting of full membership to India and Pakistan transformed the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) into the world's largest trans-regional structure and changed the trajectory of regional cooperation. However, following the expansion of its initial Central Asian focus to the wider Eurasian region, the identity of the SCO has undergone several changes. This article argues that the SCO is in fact experiencing an identity crisis. The historical perspective and environmental background of the SCO are examined, allowing the author to characterize the unique identity of the SCO and the possible scenarios to resolve the ongoing identity crisis.*

**Key words:** Shanghai Cooperation Organisation; China; Russia; India; identity crisis

**For citation:** Muratbekova A. (2019) Exploring the Shanghai Cooperation Organisation's Identity Crisis: What is Next? *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 4, pp. 138–160 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-07.

## References

- Abdurasulov A. (2017) *Rossia i Kitay rasshiryaut SHOS, no ispolzuyut ego po raznomu* [Russia and China Expanded the SCO, But Use It in Different Ways]. BBC News, 9 June. Available at: <http://www.bbc.com/russian/features-40220593> (accessed 14 March 2018). (in Russian)
- Allison R. (2004) Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia. *International Affairs*, vol. 80, no 3, pp. 37–41. Available at: <http://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x> (accessed 14 March 2018).
- Aris S. (2009) A New Model of Asian Regionalism: Does the Shanghai Cooperation Organisation Have More Potential Than ASEAN? *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 22, no 3, pp. 451–67. Available at: <http://doi.org/10.1080/09557570903104040> (accessed 14 March 2018).
- Akizhanov S. (2017) India and Pakistan Join the SCO: The Balance Is on the Side of the Optimists. Kazinform, 8 June. Available at: [http://www.inform.kz/ru/vstuplenie-indii-i-pakistana-v-shos-chasha-vesov-na-storone-optimistov\\_a3034410](http://www.inform.kz/ru/vstuplenie-indii-i-pakistana-v-shos-chasha-vesov-na-storone-optimistov_a3034410) (accessed 15 January 2018). (in Russian)
- Cho S. (2007) Toward an Identity Theory of International Organisations. *American Society of International Law Proceedings*, no 101. Available at: [https://works.bepress.com/sungjoon\\_cho/36/](https://works.bepress.com/sungjoon_cho/36/) (accessed 30 May 2019).

---

<sup>1</sup> The editorial board received the article in September 2018.

<sup>2</sup> Acknowledgements: This work was written in the context of the PhD Support Programme “The EU, Central Asia and the Caucasus in the International System” (EUCACIS) of the Institut für Europäische Politik and Centre Internationale de Formation Européenne, funded by the Volkswagen Foundation and the Erasmus+ Programme of the European Commission. The author would like to thank Prof. Dr. Mathias Jopp for his comments and support in writing this paper.

- Cho S. (2014) An International Organization's Identity Crisis. *Northwestern Journal of International Law & Business*, vol. 34, no 3, pp. 359–94. Available at: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/view-content.cgi?article=1768&context=njilb> (accessed 30 May 2019).
- Chung C.P. (2006) China and the Institutionalization of the Shanghai Cooperation Organization. *Problems of Post-Communism*, vol. 53, no 5, pp. 3–14. Available at: <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216530501> (accessed 30 May 2019).
- Consortium Codex (CNTD) (2003) Agreement on the Procedure for the Formation and Execution of the Budget of the Shanghai Cooperation Organisation, 29 May. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902025877> (accessed 23 January 2018). (in Russian).
- Consortium Codex (CNTD) (2017) Agreement on the Formation and Implementation of the Budget of the Shanghai Cooperation Organisation, 1 December. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/542615412> (accessed 23 January 2018). (in Russian).
- Desai S. (2017) India's SCO Challenge. *The Diplomat*, 5 December. Available at: <https://thediplomat.com/2017/12/indias-sco-challenge/> (accessed 12 January 2018).
- Erikson E.H. (1968) *Identity: Youth and Crisis*. New York: W.W. Norton Company.
- Facon I. (2013) Moscow's Global Foreign and Security Strategy: Does the Shanghai Cooperation Organisation Meet Russian Interests? *Asian Survey*, vol. 53, no 3, pp. 461–83. Available at: <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.461>.
- Gabuev A. (2017) Bigger, Not Better: Russia Makes the SCO a Useless Club. *Carnegie Moscow Center*, 23 June. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/71350> (accessed 22 March 2018).
- Galina Dudina A. et al. (2017) SHOS rastet vshir i vdal' [The SCO is Growing in Breadth and Distance]. *Kommersant*, 22 April. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3280145> (accessed 10 January 2018). (in Russian)
- Gilpin R.G. (1984) The Richness of the Tradition of Political Realism. *International Organization*, vol. 38, no 2, pp. 287–304. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2706441> (accessed 30 May 2019).
- Helfer L. (2006) Understanding change in international organizations: Globalization and innovation in the ILO. *Vanderbilt Law Review*, vol. 59, pp. 649–726.
- Huasheng Zh. (2013) China's View of and Expectations From the Shanghai Cooperation Organization. *Asian Survey*, vol. 53, no 3, pp. 436–60.
- Keohane R.O., Martin L.L. (1995) The Promise of Institutional Theory. *International Security*, vol. 20, no 1, pp. 39–51. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2539214> (accessed 30 May 2019).
- Konarovsky M. (2016) Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Some Elements of Strategy. *International Organisations Research Journal*, vol. 11, no 4, pp. 149–61. Available at: DOI: 10.17323/1996-7845-2016-04-149. (in Russian)
- Korostikov M., Chernenko E. (2017) "Chlenstvo v SHOS ne priglasenie na chai." Specpredstavtel RF Bakhtier Khakimov o planah i problemah SHOS [Membership in the SCO Is Not an Invitation to Tea." Special Representative of the Russian Federation Bakhtier Khakimov on the Plans and Problems of the SCO]. *Kommersant*, 18 April. Available at: [https://www.kommersant.ru/doc/3275166?from=doc\\_vrez](https://www.kommersant.ru/doc/3275166?from=doc_vrez) (accessed 10 January 2018). (in Russian)
- Korostikov M. (2017) The Declaration Jumped Into the Outgoing Composition. *Kommersant*, 8 June. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3319743> (accessed 12 March 2018) (in Russian).
- Kortunov A. (2018) SCO: The Cornerstone Rejected by the Builders of a New Eurasia? *Russian International Affairs Council (RIAC)*. 16 May. Available at: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/sco-the-cornerstone-rejected-by-the-builders-of-a-new-eurasia/> (accessed 10 August 2018).
- Lanteigne M. (2018) Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization: Diverging Security Interests and the 'Crimea Effect.' *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation* (H. Blak-kisrud, E. Wilson Rowe (eds)). Palgrave Macmillan.

- Lousianin S.G. (2017) Russia and China in the SCO 2017: Global and Regional Dimensions of Security. *Security Issues Within the SCO [Problemi obespecheniya bezopasnosti na prostranstve SHOS]* (S.G. Lousianin (ed.)). Ves' Mir Publishing.
- Oldberg I. (2007) The Shanghai Cooperation Organisation: Powerhouse or Paper Tiger? FOI: Swedish Defence Research Agency. Available at: [https://www.researchgate.net/publication/265216976\\_FOI\\_The\\_Shanghai\\_Cooperation\\_Organisation\\_Powerhouse\\_or\\_Paper\\_Tiger\\_The\\_Shanghai\\_Cooperation\\_Organisation\\_Powerhouse\\_or\\_Paper\\_Tiger](https://www.researchgate.net/publication/265216976_FOI_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger_The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Powerhouse_or_Paper_Tiger) (accessed 30 May 2019).
- Roy M.S. (2012) India's Options in the Shanghai Cooperation Organisation. *Strategic Analysis*, vol. 36, no 4, pp. 645–50. Available at: <https://doi.org/10.1080/09700161.2012.689534> (accessed 30 May 2019).
- Shanghai Cooperation Organisation (SCO) (2017) The Shanghai Cooperation Organisation. Available at: [http://eng.sectsco.org/about\\_sco/](http://eng.sectsco.org/about_sco/) (accessed 22 January 2018).
- Selznick P. (1949) *TVA and the Grass Roots: A Study in the Sociology of Formal Organization*. Berkeley: University of California Press.
- Sputnik International (2016) Shanghai Pact Anti-Terror Database Lists 2,500 Suicide Bombers, 69 Groups. 13 September. Available at: <https://sputniknews.com/asia/201609131045248480-sco-rats-terrorism/> (accessed 20 May 2019).
- TASS (2017) Rashid Alimov: SHOS stal Bolshoi vosmerkoi [Rashid Alimov: The SCO Has Become the G-8]. Available at: <http://tass.ru/opinions/interviews/4338862> (accessed 28 October 2017).
- Waltz K. (1979) *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Publishing Company.
- Waazi M. (2018) Czeli I interesy Kitaya I Rossii v Shos [Aims and Interests of China and Russia in the SCO]. Center for Strategic Estimates and Predictions, 10 November. Available at: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/czeli-i-interesy-kitaya-i-rossii-v-shos-2093> (accessed 14 March 2018). (in Russian)
- Wendt A. (1994) Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*, vol. 88, no 2, pp. 384–96. Available at: <http://doi.org/10.2307/2944711> (accessed 30 May 2019).
- Wolf P. (1973) International Organization and Attitude Change: A Re-Examination of the Functional-ist Approach. *International Organization*, vol. 27, no 3, pp. 347–71. Available at: <http://doi.org/10.1017/S0020818300003544> (accessed 30 May 2019).
- Xing L. (2017) Stretegiya Kitaya I Rossii v Shanhaikoi Organizacii Sotrudnechestva: Sravnitelni analysis [The Strategy of China and Russia in the Shanghai Cooperation Organisation: A Comparative Analysis] *Comparative Politics Russia*, vol. 8, no 2, pp. 98–107. Available at: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-98-107> (accessed 30 May 2019). (in Russian)